

С тех пор как Сун Цзиньшу и Янь Чэн поженились, это был первый раз, когда он увидел этого маленького баловня в доме родителей. Лицо у него стало пухлым и упитанным, а большие круглые глаза блестели, словно у «счастливого малыша» с новогодних картин.

Янь Цзэ уткнулся лицом в поясницу Янь Чи и потерялся, пока не растрепал только что уложенную прическу, и остановился лишь тогда, когда Янь Чи его одернул.

Янь Чэн холодно фыркнул и, взяв Сун Цзиньшу за руку, прошел мимо родного брата в дом.

Рука его сжалась с такой силой, что Сун Цзиньшу почувствовал боль. Подняв голову, он взглянул на профиль Янь Чэна и, заметив его плотно сжатые губы, проглотил стон, который готов был вырваться из горла.

— Что ты опять натворил, что второй брат рассердился?

Янь Чи хотел было обнять младшего брата, но, к своему удивлению, обнаружил, что за полгода Янь Цзэ стал слишком тяжелым для этого. Тогда он просто взял его за руку, белую и пухлую, как корень лотоса, и последовал за остальными.

— Я его даже не злил, я его вообще не видел.

Янь Цзэ с самого рождения не ладил с Янь Чэном. В три года он разбил его любимый голубой фарфоровый курильницу, в пять — выбросил его стихи и картины в колодец на заднем дворе, а в семь — прожег дыру в одежде его любимой наложницы. Не успев ему и восьми лет исполниться, его отправили жить с родителями в задние горы, и с тех пор он больше не ступал в передний двор.

Вспомнив всё это, Янь Цзэ обиженно надул губы и с силой топнул по снегу, словно это была спина Янь Чэна. Если бы его второй брат не был таким мелочным и злопамятным, ему бы не пришлось жить с родителями в такой глуши.

Здесь ничего не было, каждый месяц приходилось поститься и молиться буддам, и даже ни одного приятеля для развлечений.

Янь Цзэ с недовольством подумал, что было бы хорошо, если бы у него вообще не было второго брата.

Родители Янь уже сидели в главном зале в ожидании. Увидев, что Янь Чэн и Сун Цзиньшу входят, держась за руки, их лица наконец прояснились, и они с улыбкой вручили Сун Цзиньшу красный конверт.

Янь Чэн, глядя на знакомые лица родителей, почувствовал, как глаза наполнились влагой, и, опустившись на колени, трижды ударился лбом о пол.

— Неблагодарный сын Янь Чэн приветствует родителей.

Родители подумали, что он просто поздравляет их с Новым годом, и когда он поднял голову, наклонились, чтобы помочь ему встать, а затем усадили на место, поддерживаемого Сун Цзиньшу и Янь Чи.

Сун Цзиньшу, взглянув на покрасневшие глаза Янь Чэна, протянул руку и нежно провел прохладными пальцами по его виску, лишь потом осознав, что переступил границы дозволенного.

Рядом сидящие старики радостно улыбались и начали накладывать еду в миску Сун Цзиньшу.

— Видя, как Цзиньшу и Фэнчжун так нежны друг с другом, мы можем быть спокойны.

Увидев, что его любимые блюда оказались в миске Сун Цзиньшу, Янь Цзэ недовольно фыркнул и без колебаний разоблачил второго брата.

— На днях мой однокашник рассказывал, что видел второго брата в квартале красных фонарей, обнимавшего какого-то красивого мальчика для утех. И вот прошло всего несколько дней, а он уже снова тут нежится с супругой.

Отец Янь швырнул палочки на стол. Лицо Сун Цзиньшу побледнело, зубы впились в мягкую ткань нижней губы, и он в страхе опустил голову.

Янь Чэн глядел на Янь Цзэ с тем самым вызывающим выражением, будто тот говорил: «Ну-ка, тронь меня», и готов был запихнуть его обратно в утробу матери, чтобы тот никогда не рождался на свет.

Но Янь Цзэ ведь не солгал. Он действительно ходил в квартал красных фонарей, indeed обнимал красивого мальчика для утех и, возможно, тогда даже задумывался о том, чтобы жениться на нем и привести в дом.

А та гармония, которую он и Сун Цзиньшу демонстрировали перед родителями, была столь призрачной, что готова была лопнуть от одного прикосновения.

Янь Чи молча поднял глаза на Янь Чэна, положил в тарелку матери ломтик весеннего бамбука и прервал ледяную атмосферу в зале.

— Это весенний бамбук, который утром собрали служанки во дворе. Он совсем свежий, мать, отведайте.

Мать Янь взяла кусочек хрустящего жареного бамбука и откусила маленький кусочек, тихо похвалив Янь Чи за его сыновнюю почтительность. Когда она проглотила бамбук, то подняла голову и, нахмурившись, посмотрела на Янь Чэна, который опустил глаза и о чем-то думал.

— Правда ли всё, что сказал Сяо Цзэ?

Она взглянула на Сун Цзиньшу, не в силах поверить, что те двое, которые только что вошли, держась за руки, могли сговориться и обмануть её.

Сун Цзиньшу открыл рот, чтобы объяснить, но чем больше он торопился, тем труднее ему было говорить, словно что-то застряло у него в горле. Он покраснел от беспокойства.

Янь Чэн успокаивающе похлопал по холодной руке Сун Цзиньшу и, встретив испытующий взгляд родителей, глубоко вздохнул.

— Знаю, что я нрава скверного, вечно обижал Цзиньшу, и даже на второй день после свадьбы думал о том, чтобы прогнать его.

Сун Цзиньшу с удивлением посмотрел на него, и боль в его глазах заставила Янь Чэна почувствовать острую жалость.

— Раньше я действительно не любил Цзиньшу и натворил много глупостей, из-за которых он страдал. Но отец, мать, сейчас я искренне хочу прожить с Цзиньшу оставшуюся жизнь в мире

и согласии. Я готов беречь его и держать на руках.

Янь Цзэ, услышав это, скривился и ткнул палочками в кусочек бамбука в своей миске, достаточно громко, чтобы все слышали.

— Второй брат, наверное, то же самое говорил, когда лежал в объятиях мальчика для утех в борделе?

Атмосфера в зале стала ледяной, у Янь Чэна застучало в висках, и воспоминания из прошлой жизни хлынули в голову, почти лишая зрения.

— Кто разрешил тебе говорить?!

Янь Чэн швырнул палочки на стол и, нахмурившись, накричал на Янь Цзэ:

— Разве учитель в школе не научил тебя уважать старших? Разве я и мать разговариваем, чтобы ты вмешивался и поучал меня? Где твое уважение ко мне как к старшему брату?

Гнев Янь Чэна был необъясним, Янь Цзэ никогда раньше не слышал, чтобы на него так кричали.

Он был самым младшим ребенком в семье Янь, и к моменту его рождения у отца уже не было сил, чтобы должным образом воспитывать его. Поэтому он с детства жил в роскоши и изобилии, а если что-то случалось, родители всегда были рядом, чтобы прикрыть. Выйдя за порог, он мог просто назвать имя брата, и вокруг него тут же собиралась толпа поклонников.

Так что он совершенно забыл, что его старшие братья тоже имели право его воспитывать.

Янь Цзэ надул губы, готовый заплакать, но, встретившись взглядом с Янь Чэном, сдержал слезы.

Янь Чэн стиснул зубы, переживая приступ головной боли, и, когда перед глазами перестало всё плыть, торжественно поднял правую руку, соединив большой и мизинец, а остальные три пальца вытянув параллельно виску.

— Я, Янь Чэн, сегодня перед лицом родителей даю клятву: с этого дня буду хорошо относиться к своей любимой супруге Сун Цзиньшу, и в этой жизни у меня будет только он один. Если нарушу эту клятву, пусть меня небеса поразят громом и молнией, и смерть моя будет лютой.

Гром, ударивший на вершине горы в прошлой жизни, словно снова эхом разнесся в ушах. Голова Янь Чэна раскалывалась от боли, а в ушах стоял звон.

Сун Цзиньшу, услышав его слова, тут же схватил руку Янь Чэна и закрыл ему рот.

Как можно так легко давать такие страшные клятвы?

Он покачал головой, показывая Янь Чэну, чтобы тот немедленно забрал свои слова обратно.

Он никогда не надеялся, что Янь Чэн будет принадлежать только ему. Во внутренних покоях полно наложниц, и Янь Чэн то и дело возвращается, пахнущий духами и румянами.

Если ему не хватает развлечений, он может пнуть спящего на полу Сун Цзиньшу, разбудить его и, несмотря на сопротивление, оставить в нем свое семя.

Такие клятвы нельзя верить.

Сун Цзиньшу опустил голову и мысленно приказал себе не поддаваться ложной нежности Янь Чэна. Ведь он уже видел истинную натуру этого человека, не так ли?

На улице стемнело, дорога в заднем лесу была покрыта снегом. Опасаясь, что троим будет неудобно возвращаться в передний двор, мать Янь велела служанкам приготовить две гостевые комнаты.

У Янь Чэна раскалывалась голова, но он из последних сил держался, взял Сун Цзиньшу за руку и вошел в комнату, после чего рухнул на постель, полностью обессилив.

Его виски были мокрыми от холодного пота, лицо бледным. Сун Цзиньшу, испугавшись, поспешил на кухню за тазом с горячей водой, чтобы обтереть лицо Янь Чэна.

Из-за скандала за обеденным столом между ними витала неловкость. Сун Цзиньшу выжал полотенце, встал и вылил воду из таза на снег перед домом.

В гостевой комнате была только одна кровать, и даже одеяло было одно. Сун Цзиньшу, глядя на небольшое свободное место рядом с Янь Чэном, чувствовал себя неуютно.

Янь Чэн никогда не позволял ему спать рядом. За полгода брака после каждой близости Янь Чэн выгонял Сун Цзиньшу из постели, заставляя спать на полу или брать одеяло и уходить на кушетку в соседней комнате.

А сейчас в комнате не было лишнего одеяла, и если попросить его у служанок, родители наверняка узнают об этом, и неизвестно, какой шторм это поднимет.

<http://bllate.org/book/16689/1531827>